

В висках неровно пульсировала боль, Ючжэнь цеплялась за безмятежность тончайшей нитью, напоминая себе, что Шрайк, хотя и не имеет ранга, не из тех, к кому можно относиться легкомысленно. Наблюдение за ней, залитой кровью, поддерживало настроение, спокойствие и здравый смысл.

— Госпожа Хань Болао, я уже взяла виновных под стражу, - сказала Ючжэнь заботливым и сердечным тоном. — Если вы хотите продолжить наши действия, нам придется подождать, пока к нам не придет судья. Пока Чистка не закончится, наши руки связаны.

— Ха, какая опека? Фарс. — Жуя ноготь большого пальца, Сорокопут мерила шагами командный шатер Ючжэнь, широко раскрыв глаза и нахмутив брови. — Падающий Рейн, создатель этой пародии, с комфортом сидит в палатке, которую я одолжила ему, самодовольный и не раскаивающийся в своих действиях, поскольку он скрывается от правды. Опека.

О, мать небесная, на этот раз Рейн по-настоящему пнул осиное гнездо.

— Леди Хань Болао, что еще мне делать? Его действия, хотя и дерзкие, не были полностью незаконными. Вы уже признали, что ваш ... режим был завершен, а значит, демонстрация Падающего Рейна... была более символической, чем что-либо еще. — Развела руками и попыталась воззвать к политической проницательности Шрайк. — Это деликатный вопрос, который следует решать тактично, иначе эмоции возьмут вверх над разумом. Вы сами видели, как отреагировали солдаты. Если бы я наказала Падающего Рейна без причины, мы могли бы столкнуться с восстанием.

— Во-первых, кто он такой, чтобы говорить мне такое? Мои руки - это руки милосердия, выполняющие работу Матери, спасающие тысячи людей из пасти Отца. Жизнь - синоним скорби, их судьбы обречены со дня их рождения, а я - ее орудие, ее посланник здесь, внизу. — Сорокопутка выглядела совершенно растерянной, едва слышно подтверждая свою веру и продолжая расхаживать по комнате, не в силах усидеть на месте от волнения. - Мой священный долг поставлен под сомнение, мое Божественное Служение нарушено неверными и язычниками, должны быть произведены репарации, сбалансированы весы, просвещены умы, должны быть сделаны репарации. Падающий дождь, Дастан Жандос, оба благословленные Небесами, но не ведают о ее планах, как это можно допустить?

— Леди Хань Болао. — Голос Ючжэнь зазвенел, не в силах скрыть беспокойство. — Позвольте напомнить вам, что ни один солдат или прапорщик под моим командованием не должен пострадать, если они тоже не испорчены. — Дорогая Мама, неужели Сорокопутка сошла с ума? — Оба молодых офицера неоднократно демонстрировали свою чистоту на всеобщее обозрение.

— Вы не понимаете, я не желаю им зла, но их нужно заставить увидеть, поверить. Зло повсюду вокруг нас, скрытое глубоко в бездне наших душ. Моя задача - открыть ее для всех, но это бессмысленно, если Рейн не будет свидетелем.

Ючжэнь покачала головой, хотя Шрайк была слишком поглощена своими мыслями, чтобы заметить это.

— Я не могу и не буду заставлять его смотреть. Вы знаете, что это может помешать его будущему прогрессу и навлечь наказание на нас.

— Нет, нет, нет, почему это так трудно? Почему он не может прислушаться к голосу разума?

Почему никто из них еще не обратился? Мне нужна помощь мастера, я устроила полный бардак, слишком неумело, слишком глупо, слишком невнятно, мастер скажет простую правду, и все станет ясно. — Липкие, окровавленные руки Шрайк метнулись вперед и сжали руки Ючжэня в липкой, жалкой мольбе, глаза наполнились слезами. — Ты понимаешь необходимость, да? Ты можешь говорить за меня, помочь ему все объяснить. Падающий Рейн с его нескончаемыми вопросами, искажающими истину и превращающими лево в право, день в ночь, я ему не ровня. Пожалуйста, помоги мне вывести его на свет, он уже настроил против меня Дастана Жандоса и всех этих солдат, а что, если маленький Бошуи тоже настроится против меня? Мы могли бы обратиться к судье и попросить приговорить его к службе в Ордене, ему нужно показать истину, принять свет.

У Ючжэнь отвисла челюсть, прежде чем она успела опомниться, и с громким щелчком закрыла рот. С первой же встречи Шрайк бросила вызов всем ожиданиям своими безупречными манерами и кокетливым обаянием, удивительными качествами для фанатика-убийцы. Полагая, что это всего лишь видимость, Ючжэнь по-прежнему остерегалась Шрайка, но если она все еще притворялась, то она была непревзойденной актрисой под небесами. По всей вероятности, сорокопут не была чудовищем, а просто женщиной, которой в юности что-то внушили и радикализировали, а теперь она впервые увидела трещины в облицовке своих основных заповедей.

Вопреки здравому смыслу, Ючжэнь снизила бдительность и обратилась к Хань Болао как к обезумевшей и неуравновешенной женщине. Тихо бормоча пустые заверения и успокаивающие звуки, Ючжэнь усадила ее перед умывальником и вытерла кровь и внутренности, покрывавшие их руки. Сидя в потрясенном молчании, Болао закусил губу и уставилась в окровавленную воду, ошеломленная событиями дня. Как только Болао была вымыта, Ючжэнь накрыла девушку одеялом и отошла в сторону, чтобы заварить чай, давая и себе, и ей время прийти в себя.

Сунув в руки Болао чашку с теплым чаем, Ючжэнь села напротив нее и наблюдала, как она рассеянно пьет и шепчет слова благодарности. Мама, помоги мне, что с ней сделал Рейн? Что же Мастер Болао сделал с ней? Мягко говоря, Ючжэнь погладила колено Болао.

— Нашему делу не поможет судебное разбирательство по поводу Падающего Рейна. Хотя судья, вероятно, вынесет решение в нашу пользу, судебные процессы записаны и доступны для всех. Слухи о его действиях разойдутся, и ты лучше меня знаешь отношение населения к Чистке. В настоящее время... взрыв сдерживают несколько десятков солдат и два прапорщика. Если слух распространится, это принесет больше вреда, чем пользы.

Впервые встретившись взглядом с Ючжэнь, Болао непроизвольно вздрогнула, испуганная перспективой вызвать несогласие.

— Т-тогда что же нам делать?

Бедная девочка, как все это можно подделать?

— Мы с тобой оба знаем, что Падающий Рейн и Дастан Жандос - восходящие драконы своего поколения, а здешние солдаты, хотя и не элиты, являются частью основания четырех городов. Если они открыто осудят Чистку, это будет катастрофично. Наше дело лучше всего выполнить, договорившись, предлагая снять все обвинения в обмен на их молчание.

— Н-но как насчет Рейна? Он должен понять...

— Ты должна отпустить его, мальчик очень упрям. Он не первый молодой воин, которого отталкивает Чистка, и не последний. Ты сама беспокоилась о таком исходе, поэтому и

обратилась к ним до того, как мы начали. Битва проиграна, мы должны спасти то, что можем.

Потребовался еще час утешений и уговоров, прежде чем Хань Болао согласилась, не в состоянии предложить никаких аргументов, кроме "он должен увидеть". Было легко понять, почему Рейн виноват в кризисе ее веры, так что если он признает свои ошибки, то Болао сможет отбросить все свои новообретенные сомнения. Уложив бедную девушку в постель, Ючжэнь оставила ее под усиленной охраной, больше для ее собственной безопасности, чем для чего-либо еще. Кто знает, что может сделать психически хрупкая девушка в отсутствие надзора?

Решив разобраться с головой змеи, Ючжэнь объявила о себе, прежде чем войти в палатку Рейна. Хотя он был обезоружен, опасность и гнев исходили от него, когда он сидел на полу палатки, его дородный квин был готов к прыжку, предупреждающе шипя при ее приближении. К счастью, его дикие кошки остались с Сумилой, и мальчик быстро превратился в бродячий цирк кровожадных зверей. Скрывая страх, пока Рейн успокаивал зверя, она плюхнулась перед ним в изнеможении.

— Прости, Рейн. Этого не должно было случиться.

— Что вы имеете в виду?

Прямолинейно, с прямым зрительным контактом и без тепла в голосе, плохие признаки. Ей придется потрудиться, чтобы выглядеть сочувствующей, завоевать его расположение.

— Я не должна была оставлять тебя там одного, должна была заставить уйти со мной. Вот что сделал бы Джерел, что сделала бы я, если бы думала трезво. Всего этого можно было избежать.

— Правда. — Застигнутая врасплох его откровенной враждебностью, она переосмыслила ситуацию, пытаясь понять, злится ли он на нее конкретно или на весь мир в целом. Прежде чем она успела принять решение, он снова заговорил: — Ючжэнь, вы были хорошим другом мне и Бекхаям. — Хорошее начало, но было и еще кое-что. — Боюсь, то, что я скажу дальше, может обидеть вас, но мне нужно сбросить это с души.

Ее губы пересохли, она изобразила безразличие и приказала ему продолжать. —

— Пожалуйста, высказывай свое мнение и знай, что все, что ты скажешь, останется между нами.

— Спасибо вам. Видите ли, меня интересует Чистка и цель, которой она служит. Шрайк много говорила о спасении душ и раскрытии тьмы, но я не могу не найти это странным. Здесь, на Севере, я ничего не заметил относительно организованной системы верований, вроде церквей, храмов или чего-то еще. Сегодня утром вы даже сказали, что мое неверие не имеет значения в большинстве ситуаций, и называли Шрайк фанатиком.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Без сильных религиозных убеждений, кроме искоренения Оскверненных, ни одна из причин, перечисленных Шрайк, не казалась ... практичной, если смотреть с политической точки зрения. Конечно, ты причиняешь больше вреда, чем пользы, мучая так много невинных. Сколько Оскверненных вы обычно ловите в Чистке десяти тысяч? Несколько сотен?

Гораздо меньше, но отвечать ему было бы ошибкой.

— Не уверена, это у меня впервые. Рейн, пожалуйста, Послушай, я заключила соглашение с Шрайк. Она позволит вашему вмешательству остаться без ответа, вам нужно только держаться от нее подальше, пока все это не закончится, и поклясться, что не будете публично высказывать свои претензии по поводу Претендентов или Чистки. Это лучшее решение для всех нас.

— Полагаю, что так. Я легко могу представить себе гнев и возмущение, если люди обнаружат, что Чистка - это не более чем политический инструмент.

Пряча страх от его испытующего взгляда, она склонила голову в невинном любопытстве.

— Что ты имеешь в виду?

— Это всего лишь догадка, которую я недавно высказал. Я имею в виду, есть все намеки, но я никогда не собирал их вместе, потому что это то, что требует полного и совершенного отсутствия сочувствия. И тут я вспомнил, что мы пришли из разных миров, причем разными путями. — Поджав губы, он собрался с мыслями, прежде чем заговорить усталым и побежденным тоном. — Если посмотреть на общую картину, то Империя находится в опасном положении. Мало того, что Оскверненные год за годом проверяют наши границы, народ все время осаждается страхом, никогда не зная, идет ли враг рядом с ним, не готов ли сосед впасть в убийственную ярость.

— Да, это то, с чем мы все учимся жить. В городах не так уж плохо, когда все заботятся друг о друге. В численности есть безопасность, потому что так почти невозможно для врага спрятаться.

— Верно, но сколько людей может поместиться в городах? Здесь не хватит места для всех, не говоря уже о необходимости пахотных земель и пастбищ. Большинство горожан живут за пределами городов, разбросанных по обширному ландшафту, отделенному от соседей часами, если не днями пути. Неудивительно, что горожане ненавидят таких чужаков, как Бекхай. Они беспокоятся, что чужаки осквернены.

— Предубеждение, которое вы и ваш народ скоро преодолеее. — Увидев, куда он направляется, Ючжэнь приложила палец к губам и послала ему безмолвное сообщение. — Рейн, твои слова опасно близки к измене. Возьми меня за руку и направь свою Ци, я научу тебя пользоваться Посланием. Ты должен быть способен на это, пока мы находимся в физическом контакте. Если ты не можешь, то ты должен держать свои мысли при себе. Никогда не знаешь, кто может подслушать.

Она надеялась закончить разговор здесь и сейчас, но Рейн была решительный и талантливый. Хотя его первые послания были не более чем тарабарщиной, по прошествии получаса Рейн возобновил разговор в молчании, касаясь друг друга ладонями.

— Итак, вернемся к общей картине. Если вы не являетесь частью верхнего процентиля, способного отображать чистоту, ваша принадлежность никогда не может быть полностью доказана. 99% населения являются возможными вражескими бойцами, скрывающимися на виду. Видя, как быстро Джен обрел власть, я думаю, что Империя падет в один день, если даже 10% населения окажется оскверненным, безнадежно удручающая мысль. Так что же делать Императору? Единственный выход - не допустить, чтобы люди осквернялись другими средствами, а именно в этом и заключается смысл Чистки. Публичное обвинение против обращения, обещающее ужасную и кошмарную смерть не только вам, но и всем, кого вы знаете и с кем когда-либо контактировали, если вы поддадитесь искушению и будете обнаружены.

Достаточно, чтобы напугать большинство, я бы сказал.

Вздыхнув, Ючжэнь безнадежно посмотрела на Рейна и увидела в его глазах обвинение, он поверил, что она замешана во всем этом.

— Может, ты и прав, а может, и нет, но, клянусь тебе, я не знаю правды. То, что ты говоришь, имеет смысл, но у меня связаны руки. Если бы я не вызвала Чистку, это сделал бы кто-то другой, и мне повезло бы, если я сохранила бы свою жизнь. Пожалуйста, пойми, так устроен мир, и мы можем жить только по правилам. Если бы ты распространил свою теорию, правдивую или нет, у императора не было бы выбора, кроме как осудить тебя и приказать убить тебя и Бекхаев.

Убрав руку, Рейн заговорил вслух, не в силах больше смотреть на нее.

— Новый день, та же песня. — Вздыхнув, он поднял руки, сдаваясь. — Я выполню ваши условия. Мое молчание по этим вопросам в обмен на амнистию. — Используя нож, он дал короткую клятву. — Я клянусь небом. Я не буду высказывать свое недовольство по поводу Чистки, пока меня не преследуют за мои мысли или действия. Клянусь вам в этом, и Небеса тому свидетели.

— Глупый мальчик, ты не можешь добавить к своей клятве условное заявление. Ты обязан хранить тайну, несмотря ни на что. — Достав свой нож, она глубоко вонзила его в предплечье. — Я клянусь небом. Я никогда не раскрою то, что ты сказал сегодня. Клянусь тебе в этом, и Небеса тому свидетели.

— ...Спасибо. — Благодарность в его глазах не смягчила осуждения - молодой идеалист, возмущенный ее действиями.

Она не могла винить его. Она чувствовала то же самое.

Немедленно покинув его, она воспользовалась согласием Рейна, чтобы заручиться клятвами других диссидентов, хотя Дастану нужно было поговорить с Рейном, прежде чем он согласится. Видя пыл в глазах Дастана, Ючжэнь была уверена, что Рейн нашел верного союзника в низкородном прапорщике, их связала общая беда. К счастью, Зиан и Бошуи остались на своих местах, а участвовавшие солдаты, не получили должной поддержки, поэтому она разобралась со всей этой неразберихой еще до обеда.

Сидя за столом, пока Болао спала рядом, Ючжэнь закрыла глаза и успокоила нервы. Рейн был прав, что испытывал к ней отвращение, она приказала провести Чистку, несмотря на свои опасения, и тысячи невинных умерли прямо у нее на глазах. Число погибших продолжало расти, работа претендентов была хорошо слышна на расстоянии, каждый крик вызывал волну вины у нее. Тем не менее, работа так и не закончилась, ее куча почты увеличилась в ее отсутствие, и она перебирала их в поисках весточки от Джерела..

Наконец, он прислал сообщение, и она разорвала печать, чтобы облегчить свои тревоги, надеясь, что он включил личную записку, чтобы скрасить ее день. Вместо этого ее сердце остановилось, когда она прочитала его послание, торопливо нацарапанное и доставленное со всей поспешностью. Перечитав его еще раз, она задрожала на секунду, прежде чем начать действовать, крича, чтобы все услышали.

—Солдаты империи, к оружию! Сворачиваем лагерь, едем со всей поспешностью!

— Что происходит? Чистка закончилась? Сколько обратилось? — Потрясенная от ее ступора, Болао потеряла глаза в кровати.

Бросив в нее письмо Джерела, Ючжэнь вышла из палатки и ответила.

— Оскверненные собрались, Чистка окончена. Мне нужен каждый солдат, мы едем на войну.

Минимум двадцать тысяч Оскверненных воинов неслись на север к Санышу, Орда росла с каждым днем, грабя и крадя золотые горы. Где скрывалось столько Оскверненных? Хотя этого было недостаточно, чтобы захватить городские стены, армия такого размера могла безудержно разгуливать по территории, уничтожая фермы, кузницы и промышленные предприятия, которые производили более половины запасов, необходимых на мосту. Оружие, доспехи, еда, лошади - список можно было продолжать...

Проглотив страх, она удвоила усилия и заставила солдат поторопиться, молясь, чтобы успеть вовремя.

Администратор Пин отметил собранные налоги в своей бухгалтерской книжке и махнул рукой, пропуская караван через ворота. Передав свои вещи слуге, он наслаждался краткой передышкой и потирал виски, когда следующая группа повозок встала на место. Сбор пошлин у ворот - не самая славная работа, но она необходима. По городу прошлась волна болезни, сотрудники и охранники оказались не в состоянии выполнять свои обязанности, и вот он снова в конце второй смены, измученный сверхурочной работой.

Тем не менее, день почти закончился, и он мог скоро лечь в постель со своей любимой Янсу, дорогое удовольствие, оплаченное его деньгами от невероятных щедрот прапорщика Падающего Рейна. Слишком часто женщины, преследующие его, интересовались только его деньгами, а с Янсу ему не нужно было беспокоиться о том, чтобы найти яд в своей винной чашке. Хотя первоначально она была куплена как источник для удовлетворения нужд, вскоре он был опьянен улыбкой прелестной полукровки, не желая ничего больше, чем видеть ее счастливой.

Помахав рукой грузному караванщику в капюшоне, он забрал у служителя бухгалтерскую книжку и обмакнул перо в чернила.

— Назовите свое имя и дело в Санышу.

— Ха, как весело. Хорошо, тогда этого скромного зовут - Йо Лин. Возможно, вы знаете меня как Призрака.

Дрожа всем телом, администратор Пин взглянул в лицо самого известного бандита на Севере. Стоя среди бела дня с кривой усмешкой, Призрак смотрел на него одним здоровым глазом, и другим - невидящим и молочно-белым, испорченным тем же ударом, который оставил шрам на половине его лица. Рана, нанесенная его бывшим напарником, Лю Ши из "Корсаров скрещенных костей", если верить рассказам.

— Ч-что в -...

— Ах, как глупо с моей стороны, вы также хотели знать мое дело. — Когда десятки бандитов вышли из фургонов, Йо Лин с усмешкой вытащил кинжал. — Мое дело - смерть, а дело это хорошее.

Лезвие сверкнуло, и администратор Пин закашлялся и зашипел, уставившись на рукоять, вонзившуюся в его широкий живот. Упав на колени, он дотронулся до раны и уставился на кровь, не в силах вдохнуть достаточно, чтобы закричать. Силы покинули его, он лежал на боку, боль пронзала его с каждым движением. Беспомощный, он смотрел, как бандиты входят в город, лениво удивляясь, почему не звонят тревожные колокола. Стражники на стене должны были видеть его падение, должны были понять опасность, почему они все еще медлили?

—Оставайтесь на своих местах, пока не придут наши братья, — приказал Йо Лин, его скрипучий голос ликовал. Слишком долго мы подавляли свои порывы и отрицали свою истинную сущность, слишком долго страдали в молчании. Сегодня всему придет конец, больше никаких тайн, никаких запретов. Держите ворота, и как только Саньшу откроется перед нами, мы будем насиловать, грабить, красть и пытаться, сколько душе угодно! Сбросьте с себя человеческие атрибуты и примите себя истинными, ибо сегодня мы уже не просто бандиты, а герои, работающие, чтобы приветствовать наших братьев на севере. Сегодня мы снесем Саньшу, завтра мост!

Закрыв глаза, администратор Пин заплакал.

Мать, помилуй нас всех.

<http://tl.rulate.ru/book/591/476382>